

Сочнев Павел

18+

Армия

1984-1986

Павел Николаевич Сочнев

Армия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51293198

SelfPub; 2020

Аннотация

Охотск, я знаю, что ты меня не помнишь. Не за что меня помнить, у тебя много таких было, а я тебя помню. Ты у меня был один. Мне есть за что помнить – за армию, за «подлипку», за однополчан. Они могли бы быть где угодно. Но так сложилось, что всё это со мной случилось в Охотске – 2. В советской армии, в в/ч – 03218 А.

Содержание

Предисловие	5
Доброволец	6
Карантин	16
Учебный взвод	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Охотск, я знаю, что ты меня не помнишь. Не за что меня помнить, у тебя много таких было, а я тебя помню. Ты у меня был один. Мне есть за что помнить – за армию, за «подлипку», за однополчан. Они могли бы быть где угодно. Но так сложилось, что всё это со мной случилось в Охотске – 2. В советской армии, в в/ч – 03218 А.

Моим однополчанам, воинской части 03218 и Советской Армии посвящается.

Предисловие

Когда то, уже давно, услышал фразу: «Армия – школа жизни, но лучше её пройти заочно». У меня не получилось заочно, и я нисколько об этом не жалею. Очное обучение всегда более эффективно. Прошли годы, всё плохое потихоньку забылось. Всё хорошее и весёлое осталось. А два года, это достаточно большая часть моей жизни. Настолько большая, что даже стоит ей (этой части) посвятить воспоминания. Посвящаю эти рассказы двум годам моей жизни, моей (и не только) воинской части, моим однополчанам и Советской Армии. Нет уже части, нет Советской Армии, а однополчане, пусть и разбросанные по всему миру, но они есть, также, как и мои воспоминания о том, как вместе служили. Постарался расположить рассказы в хронологической последовательности.

Доброволец

В армию я попал не случайно, потому как добровольцем. Из Хабаровского Политехнического Института с военной кафедрой. В официальной версии перспективных планов на обязательно светлое будущее Советская Армия предусмотрена не была. В реальных планах вообще ничего предусмотрено не было. Я просто жил. Учился в Хабаровском Политехническом Институте на Автомобильном факультете по специальности ААХ (Автомобили и Автомобильное Хозяйство). Учился не особо прилежно, в голове гулял ветер. Даже «эскадрона шальных мыслей» не было, только ветер.

Этот ветер (который в голове) не позволил мне продолжить учиться, закончить институт и стать каким ни будь завгаром, где ни будь на просторах нашей необъятной Родины. Она и сейчас необъятная, а тогда её необъятность была на 24% больше. В довесок к обязательному распределению, которое гарантированно страховало меня от обычной сейчас безработицы, я получил бы звание младшего лейтенанта. Звание ограждало бы меня от выполнения священного долга – службы в армии. Правда, только в мирное время. Почему-то эти будущие блага меня не прельстили. Почему – не помню. Хотя, наиболее вероятной причиной могла быть «академическая неуспеваемость».

Ветер не только сорвал с учёбы, но и закинул в Советскую

Армию, куда я пришёл сам, пешком (не было денег на трамвай), добровольцем. Можно было бы и «зайцем», как обычно, но приняв столь серьёзное решение, я не поехал, а пошёл пешком. А деньги были, но не на трамвай, а на пиво. И иногда, некоторые (верю, что не все) студенты, при наличии денег, ездили «зайцами». И это логично. Потому что на общественном транспорте бесплатно проехать можно, а пиво бесплатно не нальют.

Военком, суровый, грузный дядька, полковник или подполковник (со звёздочками, просветами и полосками на погонах я научился разбираться позже, сейчас снова забыл), совсем не избалованный самостоятельным приходом к нему добровольцев, не стал долго отговаривать и, как только я категорически отказался от весеннего (через полгода) призыва, собственноручно выписал мне повестку. Повестку в военкомат он выписал на завтра, используя образец, который лежал у него под стеклом и уже пожелтел от времени. События развивались стремительно. Уже на следующий день я должен был явиться в военкомат со своей фотографией определённого формата.

Решительность за ночь куда-то пропала. Нет, я не жалел о содеянном, но и вот так стремительно идти в армию желание уменьшилось. В те, еще не незапамятные времена, «косить от армии» не было так распространено как сейчас. Кроме этого, статус «после армии» давал некоторые льготы и характеризовало мужчину как надёжного. А «не служил» вызыва-

ло кучу вопросов (в лучшем случае) и ещё большую кучу предположений об ущербности. Вопросы о скрытой ущербности не задавали, но человека старались избегать. Ведь никто не знает (а спросить стесняются), что за недуг не позволил ему отдать священный долг. А вдруг это (недуг) заразный? «Косили от армии» немногие, но добровольцев было ещё меньше.

В общем, не идти не получалось, а идти сразу – не хотелось. В голове у меня сам собой родился лайфхак. На современном сленге слово «lifehack» означает «хитрости жизни». Тогда такого слова не знали и использовали прилагательное «хитрожопый». Я решил прийти без фотографий. Предполагаемый вариант развития событий, который я себе нарисовал – меня не берут в осенний призыв, а до весеннего что ни будь придумаю или что ни будь произойдёт, само собой.

Военком, узнав, что доброволец пришёл без фотографий и фотографироваться не собирается по причине полного отсутствия средств на эту процедуру, недолго думая, отлепил фото от приписного свидетельства и прищипил на скрепку к какой-то бумаге, которая по своей плотности занимала промежуточную позицию между бумагой и картоном.

Вот с этой бумажной картонкой или картонной бумагой я и прошёл медкомиссию. Никаких отклонений, которые не позволили бы мне отдать священный долг, обнаружено во мне не было. Даже немного расцарапанная физиономия (последствия падения «с высоты собственного роста» лицевой

частью головы на бетонный пол, в ходе недавней драки) не смутила медиков. Главное, что все необходимые для службы: уши, глаза, руки, ноги и детородные органы на месте и функционируют достаточно хорошо.

Глазами видел, даже поштучно (это когда только одним или только другим). Видел я уже тогда плохо («посадил» зрение до -4,5, читая книги), но медики проставили мне 1,0, как для «лица с нормальным зрением». Наверное, это нормально, когда у человека немного не нормальное зрение. Ушами слышал, даже шёпот. Сотрясения мозга нет. Про переломы спросили, но мне показалось, что ответ даже не слушали, да и переломов, на тот момент, не было. Итого – годен.

Моя фотография перекочевала с личного дела в военный билет. А мой паспорт остался в хабаровском военкомате. В личном деле так и осталось место для фотографии без фотографии. Всё заполнено, а фото нет. Оно, вероятно и сейчас хранится где ни будь в архиве без фото. Однозначно без фото, потому как я, так и не сфотографировался.

И сразу в какой-то распределитель-ночлежку. Все лысые. Но не так как сейчас – до сияния, а под машинку – колючие ёжики. И никого из знакомых. Из тех, с кем больше дня знаком. А те, с кем познакомился сегодня, после стрижки снова стали незнакомыми. Стресс за стрессом. Какой-то офицер (будущий командир взвода) отобрал из толпы новобранцев толпу поменьше, загнал в большую комнату, попытался построить.

Мы изобразили строй. Офицер изобразил удовлетворение. Спросил, точнее приказал: «Местные – два шага вперёд!». В голове у меня тут же промелькнула мысль – «Местных оставят, не местных – отправят». А если оставят, то можно будет вот таким лысым заявиться в общагу. Вроде бы уже в армии, а по факту – ещё на «гражданке». Не тут то было. «Неместных» оставили – куда они нафиг денутся, а «местных» – в самолёт, чтобы не расползлись. Собирай их потом по Хабаровску.

В Хабаровске было сыро, пасмурно и холодно. Когда мы вышли из самолёта, вокруг лежали полутораметровые, уже давно не новые, сугробы. Такое природное и климатическое разнообразие нашей страны, настолько нас шокировало, что мы даже забыли, как дрожать от холода. Самый смелый поинтересовался: «Насколько близок к нам Северный полюс?». «Это даже ещё не Полярный круг», бодро сообщил встречающий офицер и добавил: «С прибытием в Отдельный приполярный полк РТВ ПВО КДВО! Город Охотск». И всё. Потом, точнее, сразу, с аэродрома, нас повели в часть.

В школе я очень любил географию и читать, поэтому что такое Охотск и где он находится знал. Тайная и вялая мечта попутешествовать за счёт госбюджета не реализовалась. Зная примерно, где располагается Охотск, я понял, что до материка не добрался. А ведь была тайная мысль про «мир посмотреть».

Про «Материк». Для дальневосточников понятно, что

это. А для тех, кто не жил на Дальнем Востоке, понятие может показаться неправильно истолкованным, потому что оно отличается от словарно классического. Попробую объяснить понятие «материк», как оно трактуется и понимается на Дальнем Востоке. Классические понятия – если вы на острове, то понятно, что остров есть часть суши, со всех сторон окружённая водой. А там, где не со всех сторон или совсем не окружена – это материк. Если остров, это часть суши, но не материка, то полуостров это и часть суши, и часть материка одновременно. А для дальневосточников – материк всё, что не Дальний Восток. Если вы летите или плывёте с Сахалина (это остров) в Хабаровск, то вроде бы на материк. Но вылетая или выезжая из Хабаровска на запад, вы снова едете на материк. И так аж до Иркутска. В Красноярске, уже точно, на материк не ездят.

В ещё недалёком детстве и юности, у меня в комнате висела бумажная карта мира. Розовый Советский Союз и разноцветные другие страны. Я даже не мечтал побывать за границей, я и на Сахалине то был не везде. Так, по району и иногда в областную столицу. Раз в три года выезжали в отпуск. Этого вполне хватало, чтобы удовлетворить тягу к путешествиям. А про то, каким был мир для большинства (не для всех) советских граждан, очень хорошо написали Ильф и Петров в «Золотом телёнке»: "...И вообще, последний город земли – это Шепетовка, о которую разбиваются волны океана".

Шепетовка – ничем не примечательный город, со своей

историей. Интересной, если её знать, но даже не все местные жители интересуются историей местности, в которой они живут. А Шепетовка в 30е годы 20го века была населённым пунктом, который находился ближе всех к побережью Атлантического океана. Калининград тогда был ещё Кёнигсбергом. Прибалтийские республики были дружественны Советской России, но суверенными от неё. Всё остальное, что было за нашей границей, было только на наших картах, в книгах классиков и в новостях. Новости вещали про то, что у нас всегда всё хорошо и иногда про то, как у них всегда плохо. И этого нам хватало, мы верили. Верили – официальная версия. Конечно не верили и очень тихо хотели. Некоторые хотели очень и у них это получалось. Таких мы должны были называть «невозвращенцами», публично презирать и ненавидеть. Но презирая публично, никто не запрещал тихонько завидовать. Чтобы пресечь эту зависть, нам рассказывали о том, как им плохо и как им хочется обратно, но мы их не пустим, потому что презирать на расстоянии удобней.

У посёлка Ильинский, где я прожил 17 лет, тоже была (есть) своя история. Именно здесь русские первопроходцы впервые ступили на землю острова и встретили айнов (местных аборигенов). Капитан Делангль назвал своим именем залив и оставил на острове лейтенанта Ильина с тремя матросами, дабы те построили острог – застолбили место для Российской империи. Дальше историю популяризировать не стали, а в одно время даже перенесли это место в Холмск,

мотивируя тем, что Холмск портовый город и здесь есть туристы, и для них нужно больше достопримечательностей. А туристам, в принципе, пофигу, правда это или выдумка.

Про Охотск я знал очень немного – то, что это было когда-то базовым городом Русско-Американской Компании, что отсюда добрались до Камчатки и отсюда же осваивали Аляску. Сейчас я в Охотске. Вот не думал, не гадал, не планировал.

Пока топали до части, я обратил внимание на изыски местной архитектуры. Аэродром был покрыт немного рифлеными и очень перфорированными широкими стальными полосами. Тротуары и заборы «из того же материала». Потом я узнал, что этот, невиданный на материке, материал называется «рифлёрка» – покрытие для полевых аэродромов. В случае войны, рифлёркой можно было быстро построить аэродром почти где угодно. Страна была готова к войне или, как всех тогда учили, к защите мирного неба. Всё было готово, но пока война не началась, военное имущество использовалось в мирных целях, таких как заборы домов, огородов, стены сараев и тротуары, которые были в посёлке и в военных целях – заборы, сараи и тротуары воинских частей. Рифлёрка, которая покрывала аэродром, могла считаться имуществом двойного назначения. На неё садились и гражданские самолёты и военные. А вот каким самолётом считался самолёт, который был гражданским, но привёз будущих воинов, непонятно.

С аэропорта нас, построив в подобие строя, повели напрямиком в котельную, где мы разделись, помылись, абсолютно добровольно согласились отдать свою «гражданку» дембелям. Перед лицом предстоящих испытаний (как потом я прочитал в Дисциплинарном уставе «...тягот и лишений военной службы») мне даже не жалко было портфеля типа «дипломат».

Дипломат был заметный. Во-первых, простое наличие дипломата тогда замечали, во-вторых, он был не чёрным, а жёлтым и на обоих его боках красовались рисунки, написанные мною собственноручно. С одной стороны, почти по Васнецову, «Витязь на распутье». Всё точь-в-точь, только на камне единственная надпись «Армия». С другой стороны портфеля – репродукция картины того же автора, «Три богатыря». Алёша Попович и Добрыня Никитич – в солнцезащитных очках, а Илья Муромец – без очков. Поэтому и прикрывает глаза рукой и надпись: «Покупайте солнцезащитные очки!». Очень заметные репродукции и, как утверждали видевшие этот портфель, очень похожие на монохромное изображение оригинала. Моно – потому что синей шариковой ручкой на жёлтых боках, которые очень были похожи на натуральную кожу.

После того, как мы помылись, мы облачились в военную форму. Лысые, в новой одежде, опять незнакомые. Кто был кем и кто есть кто сейчас? «Гражданки» нисколько не жалко. Зачем она нам на предыдущие 2 (Два) года. Офигеть! Два го-

да!! Тогда я не знал, что мне придётся отслужить чуть меньше. Я недослужил целую неделю. За эти почти два года я набрался разнообразного опыта, очень интересного, жизненно необходимого в армии и нафиг не нужного на «гражданке». Познакомился с часто хорошими людьми. Часто, потому что не всегда. Но на то, что они не всегда были хорошими, зачастую провоцировал я сам. Извините, однополчане и спасибо вам за то, что вы были и есть.

Карантин

Почему этот период службы называется карантином? Для нас он длился около двух недель. Мы не болели и поэтому нас не лечили. Нас учили. Мы зубрили уставы и звания, топали по плацу и по маленькой казарме. Обшили погонами, петлицами и шевронами своё обмундирование. Научились пришивать подворотнички. Заново привыкли и стали узнавать друг друга. А по территории бегали старослужащие. Для нас, «молодых» все, кто уже был в части, автоматически считались старослужащими. Офицеры в шинелях и бушлатах, а солдаты в одних гимнастёрках. И это всё при минусе, который ниже десяти. Сейчас точно не вспомнить, какая была температура, но по моим ощущениям – очень холодно.

Однополчане, помните первый подъём? Рано утром, настолько рано, что почти ночью, нас разбудил, точнее, поднял вопль дневального: «Взвод, подъём! Выходи строится! Форма одежды номер три!». Проснулись мы позже, на улице. «Номер три» – это шапка, сапоги, штаны и гимнастёрка. И всё! А на улице зима. Там снег и минус. А ещё, там очень темно.

Сержант, щуплый, постоянно недовольный, почти дембель, орал так, что самым безопасным вариантом было не перечить ему, а пытаюсь сохранить тепло, выскочить на зарядку и постараться не погибнуть во тьме почти полярной

ночи. С грохотом мы вылетели из казармы, выстроились, повернулись, повинувшись приказам сержанта и побежали, глухо грохоча сапогами по плацу. Зарядка состояла из чередующегося бега, приседаний, отжиманий, наклонов и поворотов. В общем, всё посильно, всё нормально, но не на морозе же! Видимо у нас всех сам собой включился первобытный механизм выживания, никто даже не заболел. Потом болели и, даже, иногда, обмораживались. Но это было потом. А тогда все вернулись в казарму бодрые и здоровые. Такая шоковая встряска не прибавила нам чувств любви к сержанту. А он просто выполнял своё дело. Только иногда позволял выплеснуться эмоциям. Но даже, когда эмоции из него не выплёскивались, выглядел он гнусно и сурово. Так и остался в памяти, абсолютно гнусным, совсем недобрым и немного суровым.

Должность сержанта вызывала плохо скрываемую зависть у окружающих срочников. Срочники – это те, кто на два года и не всегда по своей воле. Я был из тех немногих, кто по своей воле. Наверное, это немного нелогично – добровольно выполнять долг. Но если он священный... А «служба в армии – священный долг...». Священным он назывался для того, чтобы никто даже не задумывался о причинах возникновения этого долга и о материальной составляющей. Типа, когда, кто, сколько и на какой срок взял то, за что приходится расплачиваться призванным в армию. Ещё были «сверхсрочники», которые уже служили за очень неплохие деньги,

с почти полным продуктивно-одежным обеспечением и вольнонаёмные. Вольнонаёмными в части были жёны офицеров, прапорщиков и сверхсрочников. Куда-то же их нужно было пристраивать.

Так вот, сержанту срочники завидовали и особо тёплых отношений к нему не проявляли. Открыто ненавидеть тоже избегали. Он почти абсолютно самодержжно управлял бандой «гавриков», а в перерывах между карантинами и учебными взводами просто ждал приезда следующей партии. Не служба, а курорт. Только изредка может заглянуть какой ни будь офицер. Спал сержант в каптёрке учебно-карантинной казармы, отдельно от молодых. Ни службы, ни нарядов. Плана по выдаче радистов у него тоже не было. Качество созданных, из того что было, радистов оценивалось весьма условно. Но качество ценилось среди тех, которые находились на боевом дежурстве.

Из местного сленга, того времени в памяти осталось слово «шамшить» – соображать. Этому новобранцев научили почти сразу. Одной из производных от этого слова было прилагательное «шамшистый» – сообразительный. И вот эти боевые радисты охотились именно на шамшистых. Обычно новоиспечённых радистов ставили на смену те, кому уже скоро «на дембель». Научил, убедился, что «граница на замке» и всё – жди приказа, ушивай форму, готовь дембельский альбом. Кто шамшит, а кто нет, знал только наш сержант. Вот к нему и заходили иногда радисты, присматривая себе замену.

Глагол «срать» в полку был наделён двойным смыслом. Первый смысл – обще и везде принятый, использовался редко и был менее приоритетным, чем второй смысл. А второй смысл был важным, нужным, использовался постоянно в значении «уснуть, в то время, когда спать не должен». Т.е., если на занятии, на смене или на тумбочке, кто-то начинал погружаться в сон, то выходил из этой приятной фазы, обычно по окрику: «Боец, не срать!» или «Серешь?!» Почему именно это слово, а не другое? Потому что, если уснуть на смене, то можно было пропустить (просрать) самолёт. Ну вот в принципе и всё про сленг. Были и другие, менее значительные слова и выражения, но эти, наверно, были самыми важными в службе. Нужно было шамшить и не срать. Если с шамшить более-менее получалось, то не срать (не спать) часто не получалось. Просерали засечки, кодограммы, сигналы и даже целые самолёты. Нет, большая часть летящей в эфире морзянки, находила своих адресатов. Большая, но не вся. А ещё у нас были головные телефоны. Это на гражданке наушники. Там же наручники, напальчники, наножики, нажопники и прочие на-. А у радистов – головные телефоны.

Как интересно работает человеческий мозг. Я пожалел (делал это не сильно, но часто почти полтора года), что попал в армию, но ни разу не пожалел, что пошёл. С первых дней службы, мои одноклассники (это те, которые с одного призыва, вне зависимости от возраста), каждый по-своему, пристально вглядывались в бесконечно далёкий день демобилизации.

Кто-то считал дни, кто-то часы. Один даже считал секунды. Наиболее извращённые переводили срок в кружки и литры компотов, чая, кофе, килограммы масла, метры селёдки... Я даже не пытался считать ни в какой системе измерений, ни в компотной, ни в селёдочной. Я знал, что, когда ни будь это закончится. Когда ни будь, но очень нескоро. Вообще, всё заканчивается, и я с возрастом понял, что чем позже «это всё» закончится, тем лучше. Как говорят китайцы «Главная хитрость жизни заключается в том, что нужно умереть молодым, но как можно позже».

А пока армия продолжалась, нас приучали (натаскивали) на принятые в полку правила и порядки. В туалете курить было запрещено, а в курилке нельзя было гадить. С курилкой понятно и все это поддерживали, а в туалете то почему нельзя?! «Потому что!» Такой ответ устроил всех и сразу. Со столь сильной аргументацией не поспоришь. Да мы и не спорили, потому что не спорить нас научили раньше, почти сразу. И курить можно было только в курилке. И руки в карманах штанов держать тоже было нельзя.

Днём поштучно выходить не разрешалось, только в объявленный сержантом перерыв. Перерыв тоже был регламентирован – не более пяти минут. Курящие, которых было подавляющее большинство, делились на две группы. Первая группа бежала в курилку и начинала курить, вторая группа неслась, аки северные олени, в туалет, который располагался метрах в восьмидесяти от курилки. Минуты через две, «се-

верные олени» из туалета неслись в курилку. Курильщики, вытянув руки с сигаретами, выкуренными наполовину, ждали. Бычки передавались наподобие эстафетной палочки. И те, кто только что курил бежали в туалет. А те, кто не курил, прогулочным шагом двигались в туалет и справляли нужду в тот промежуток, когда курильщики обменивались бычками. Все три группы перед окончанием перерыва встречались на крыльце. Вот так весело и бодро проходили перерывы. А, да! Шинели мы не одевали. Не тратили на это время. И ничего. Вчерашние раздолбаи и не очень, у которых, по твёрдому мнению сержанта, из задниц торчали «мамины пирожки», потихоньку становились не новобранцами. Старослужащими мы станем через полгода, когда в часть привезут новую партию. А сейчас мы учились «стойко переносить все тяготы и лишения военной службы».

Далее про правила. Если приспичит ночью пойти туалет, то обязательно нужно было идти вдвоём. Это минимальное разрешённое количество для ночного выхода. Что бы быть, хотя бы, вдвоём, нужно было или разбудить соседа, или разбудить дневального, который пытается поспать. Того, кто стоит «на тумбочке» отвлекать не разрешалось совсем. Он так и должен был стоять, не двигаясь с места. Обычно дневальные (и я, когда был дневальным) стояли по два часа. Того дневального, который спал, старались не беспокоить. Он один, а бойцов в карантине было больше сорока. Так не то что двух часов, а всей ночи не хватит, чтобы всех «на гор-

шок» сводить.

Не совсем понимая важности дневального, который охранял покой, жизнь и здоровье, мы использовали его наличие для озвучивания текущего времени. Эдакие говорящие часы. Сидим в спальном помещении и вдруг кто ни будь: «Дневальный, время». А со стороны тумбочки: «Три часа пятьдесят две минуты!». Удобно, чёрт побери. А дневальный для этого и нужен – озвучить время, докладывать командиру, что ничего не произошло, натирать полы, иногда вызывать дежурного, стоять на тумбочке и накрывать стол в столовой для подразделения.

Дней через десять «карантина», нас разбили на группы и по очереди посадили в учебный класс. Пропиликали несколько букв «морзянкой», сказали, как напеваётся каждая (в полку учили морзянку напевами), несколько раз повторили, раздали листки. Сержант что-то пропиликал ключём, мы записали, подписали и отдали листки. И так с каждой группой.

Потом огласили результаты – человек двадцать остаются в учебном взводе. Из них будут делать радистов, остальные отправятся в суровую армейскую действительность. Суровую армейскую действительность для тех, из кого не будут делать радистов, представляли рота обслуживания (это те, кто не на Командном Пункте), рота управления (это те, кто на КП) и «точки» (отдалённые подразделения).

Получалось, что рота управления бдительно охраняла ру-

бежи, обеспечивая мирность неба для советского народа, а рота обслуживания, так же бдительно охраняла и обеспечивала всем необходимым, роту управления. Необходимым для роты управления была еда, электричество, тепло и безопасность. Еду готовили повара из роты обслуживания, электричество вырабатывали дизелисты, обслуживающие дизель генераторы, которые стояли где-то в лесу, тепло – кочегары в котельной, за безопасность отвечал вооружённый караул, который и днём, и ночью ходил вдоль изгороди (колючая проволока или рифлёрка, с колючей проволокой, натянутой сверху) кругом. Безопасность от посягательств на нас извне и от посягательств нас, на то что за забором. В одном здании с караульным помещением находилась гауптвахта, которую тоже охранял караул.

Тем, кого оставили в учебном взводе, «светила» рота управления или «точка». Жадно впитывая любую информацию о своём будущем, я понял, что в карантине и учебном взводе – рай. А настоящие армейские будни, дни и ночи, меня ждут там, за стенами нашей маленькой казармы. Полученная информация не радовала, а напротив, нагоняла тоску. Больше всего меня пугала необходимость дежурить по ночам. Как так? Ведь ночью нужно спать. Я очень любил спать. И днём спать тоже не будут давать. А если неудачно уснуть и проспять самолёт, как проспали год назад корейский Боинг, то «губой» (гауптвахта) не отделаешься и в дисбат (дисциплинарный батальон) отправляют военнослужащих, если

срок наказания до трёх лет. А пропустить самолёт, это, по любому, под червонец (10 лет). Т.е. – пошёл на ночную смену, через несколько лет вышел с зоны. В военное время, не только за самолёт, но и за пропущенную кодограмму или какой ни будь важный сигнал могут расстрелять. А пропустить можно не только ночью, но и днём. Всю эту информацию мы получали из источников, которые, вероятно, не заслуживали доверия, но относится к ним, как к недостоверным не позволяла субординация. Да ещё и других, альтернативных источников, не было.

Лавина полученной информации совсем не мотивировала. «Ох, и нафига я эту гадскую контрольную по морзянке так хорошо написал? Написал бы неправильно и уже завтра бы печку топил или в караул ходил. А может быть попал бы в повара или хлебопёки. Там точно, чтобы «раскрутиться» на наказание, ужасней губы, нужно постараться. Да и спят они по восемь часов» размышлял я. Как не спать ночью, я не представлял совсем. И когда вконец измучился этими не радостными размышлениями, я отложил это «как» до тех времён, когда оно случится само.

На следующий день мы должны были принимать присягу. Торжественно, в парадной форме, с оружием, в казарме роты управления. Усердно учили присягу весь день. Читали, рассказывали друг другу, рассказывали хором до такой степени, что стали заговариваться. С утра, после, ставшей уже обычной, зарядки на свежем воздухе, получили оружие, по-

строились, ещё раз хором прочитали присягу и помаршировали в казарму.

До этого момента в казарме роты управления я не был ни разу, а в казарме роты обслуживания, за два года службы, я так никогда и не побывал. Не был и на гауптвахте, хотя, как сейчас понимаю, поводов побывать на гауптвахте у меня было даже больше, чем поводов побывать в казарме роты обслуживания. Длинное, сараеподобное помещение, правое крыло которого было заставлено почти бесконечными рядами двухъярусных коек. Вдали – турник, брусья и целый набор гирь. Левое крыло – короче. В нём поместились умывальник, ленинская комната (обязательный атрибут тех времён и народов, проживающих на территории Советского Союза), «оружейка», кабинет командира роты и ещё один кабинет для офицеров с должностью попроще чем командир роты.

Мы сняли шинели, построились напротив турника и знамени части. В честь такого торжественного и знаменательного события, знамя части было извлечено из стеклянной витрины штаба и доставлено к месту нашей присяги. Может быть и прилагательное «знаменательное» родилось от присутствия при событии знамени? Выглядело это всё и воспринималось очень волнительно. Не каждый день даёшь присягу. И всё было бы ещё больше приятным, если бы не автомат, который с каждой секундой всё больше и больше оттягивал мне левое плечо.

Ноющее плечо сильно отвлекало меня от наслаждения торжественным моментом. А стоять нужно было смиренно, т.е., не шевелясь и вытянувшись. К тому времени, когда пришло время давать присягу мне и появилась возможность хоть немного поправить ремень, ни о чём другом, кроме ноющего плеча, я думать уже не мог. Торжественно прочитал, торжественно, трясущейся рукой, поставил подпись, так же торжественно поцеловал уголок знамени. Ну не в засос, конечно, а так, просто приложил к лицу, чуть пониже носа. Вернулся в строй. Дождался, когда все оставшиеся прочитают, подпишут и поцелуют.

И вроде бы всё закончилось, но вдруг выяснилось, что осталось выслушать поздравление. Не помню, кто нас поздравлял, но кроме того, что «вот сейчас», «плечом к плечу», «оберегая», «традиции отцов и дедов» ещё было и про то, что с «этого момента». Что же вы раньше то не сказали!? До этого момента, мы все были абсолютно свободными и не обременёнными никакими обязательствами. Часть суровых законов на нас не распространялась. Мы просто играли в службу и в армию. И никто даже не думал ничего нарушать, из-за боязни возмездия (наказания), а оно на нас не распространялось. Потому что мы не были военнослужащими. А теперь, всё то, что мы приняли на веру, вдруг и торжественно стало нашей реальностью. Сейчас всё будет повзрослому. И обратно присягу не отыграешь. И вот сейчас уже точно армия.

Как бонус – то время, которое мы здесь просуществовали до присяги, тоже пойдёт в зачёт срока службы. Спасибо. А плечо до сих пор иногда ноет. Правое – нет, а левое – да. Особенно перед непогодой.

А потом – прощание с ребятами. Кто-то попадёт в роту управления и будет ждать там. Из них сделают планшетистов, телефонистов, телеграфистов ну и ещё кого ни будь, для нужд Советской армии. Часть из них отправят на точки. А с теми, кого судьба закинет в роту обслуживания дорожки сильно разойдутся. У них будут свои, непонятные нам заботы.

На следующий день, казарма «карантина» значительно опустела. И «карантин» стал учебным взводом. Всего он продолжался две недели. Как быстро летит время.

Учебный взвод

Новобранце в армии всегда чему ни будь учат. Например, армейской дисциплине, правилам, уставам, стрелять... За два года далеко не безупречной службы мне довелось стрелять два раза. Из автомата. По три патрона. Ни одна из шести, выпущенных мной пуль, в мою мишень не попала. Зато они (пули) взвивали красивые снежные фонтанчики из лежащих перед мишенью сугробов. Так что можно сказать, что стрелять меня научили, а попадать – нет. Но в радиотехнических войсках радиотелеграфистам, планшетистам, телефонистам и простым телеграфистам это умение было совсем ни к чему.

В Советской Армии были специальные учебные подразделения. В больших и специальных «учебках» учили разным военным премудростям, специальности, стрелять и быть сержантами. А в мелких взводах, типа нашего, всему тому же, но без стрельбы и возможности стать сержантом. Курсы в формате «взлёт/посадка», а остальное – уже по ходу службы. Я был вот в таком взводе.

К обучению премудростям солдатской жизни (уставы, шагистика, обращения к начальству, хоровое приветствие, дежурство в наряде, ежеутренняя общая физподготовка и т.д.) добавились обучение морзянке (слушать, записывать, передавать ключом типа «коромысло»), чистка плаца от снега и

льда, чистка картошки (раз в три дня), редкие, спонтанные хозработы, которые могли поручаться как поощрение или назначаться в качестве наказания. Поощряли реже. Наибольшее количество времени и усилий отдавалось морзянке. Мы дружно то старательно пели, долбя ключом, то старательно записывали, то что долбит сержант.

Однажды в казарму забежал одноклассник, который уже почти освоился в роте обслуживания, я тогда был дневальным. Не удержавшись на натёртом до зеркального блеска полу, он растянулся во весь рост. Подивился зеркальности пола. А услышав одновременный стук двадцати ключей, который был похож на кваканье, и хоровое пение (курсанты не орали, они старательно пытались петь хором) типа «Щааа – ваам – не – щааа» или «Само-лëëë-ти-ки». Тут же вынес вердикт: «Так и с ума сойти недолго». Вздохнул, набрал ведро воды, за которой зашёл, и, немного скособочившись, ушёл дальше переносить тяготы и лишения.

Пытаясь организовать мотивацию обучения, сержант, два раза в неделю, проводил контрольные. Он стучал ключом, мы – записывали. По результатам контрольной проверки, лучшие пять человек оставались в казарме, остальные отправлялись чистить картошку. Чистка картошки не была наказанием, это было обязательной повинностью, по, ошибочному мнению сержанта, равной наказанию.

С первого такого отбора, мы обменялись информацией и пришли к коллективному выводу, что чистить картошку,

гораздо интересней, чем находится в пустой казарме, почти один на один с сержантом. Чистка картошки – это небольшая степень свободы от тех обязанностей, которые всегда были в учебном взводе. Следующие контрольные писались осознанно. Так, чтобы случайно не остаться в казарме. Я писал именно так.

Нормой чищенной картошки была эмалированная ванна. Обычная гражданская, большая, чугунная ванна. Иногда заходил повар или прапорщик, дежурный по кухне, и стращали тем, что если очистки будут толстыми, то заставят чистить очистки. Потом я ещё часто слышал эти угрозы и рассказы про реальные случаи, но сам на это не нарывался. И ещё нужно было начистить большую кастрюлю репчатого лука. Чистили разнокалиберными столовыми, не острыми ножами. Теми, которыми сервируют стол.

Я однажды случайно устроился очень неплохо. Почти не плача во время чистки лука, я мужественно брался за самое сложное и теоретически невыполнимое – за чистку лука. Здесь тоже было три премудрости.

– Во-первых, нужно было поупираться, типа «Что опять я то?»

– Во-вторых, во время чистки нужно было постоянно поддерживать соответствующее выражение лица героического, уже смирившегося, но, ещё немного живого, мученика.

– В-третьих, нужно было чистить не медленно, но так, чтобы кастрюля с луком наполнялась так же, как ванна с кар-

тошкой. Потому что, если почистить лук быстрее, то потом придётся чистить со всеми картошку. Вот и все премудрости.

Были и другие наказания, отрабатывая которые, солдаты и курсанты делают что ни будь полезное. Например, долбят туалет или отдалбливают лёд с плаца. В армии, не знаю, как сейчас, а тогда не было «специально обученных людей», которые выполняли бы за солдат хозработы. И солдат специально этому не обучали. Они обучались всему самостоятельно. Всему, что скажут делать.

Туалет был обычным, неотапливаемым сараем, водружённым над глубоко закопанной баржей. Получалось, что мы справляли нужду прямо в трюм этой баржи. Зимой, наша нужда, большая и маленькая, не долетала до нижнего уровня, а примерзала, к более ранней нужде. Извините, за подробности, но иначе сложно понять, для чего туалет нужно долбить.

Вот так, примерзая друг к другу, наши большие нужды росли горой из недр и достаточно быстро, поднимались на высоту отверстий. Малая нужда, делала эти растущие горы (в каждом очке своя), монолитными. Как только пики вершин появлялись из отверстия, на борьбу с ними отправляли или отбывающих срок на гауптвахте, или провинившихся, но, по степени вины, не попадающих под гауптвахту.

Однажды провинились я и Сашка. Сашка был самым родным сослуживцем, по географическому признаку. Во-первых, он был с Сахалина, жил (и живёт сейчас) в соседнем

районе, во-вторых, из политехнического института, учился на Лесотехническом факультете. Мы, автомобилисты, их называли «дубами». Прикольный человек. Со своеобразным, постоянным чувством юмора. Наверное, тогда он был наказан за очередную свою шутку, а так как нас отправили вместе, я, вероятно, тоже в этой шутке участвовал. Потом его иногда привозили с точки в полк, для отработки на гауптвахте очередного его прикола. Но он и на гауптвахте тоже шутил. Над конвойными и офицерами. Вот такой вот неисправимый. Чувство юмора не только помогало ему жить, но и обеспечивало очень интересную жизнь. Шутки над собой, он тоже принимал с юмором. Ни на Сахалине, ни в институте мы друг с другом не встречались и даже не знали о существовании друг друга. А в армии стали почти родственниками.

Так бывает, когда уезжаешь из родных, знакомых мест. И чем дальше уедешь, тем более широким становится ареал роднения. Например, в райцентре, приятно увидеть односельчанина. В областном центре, случайно узнать, что случайный прохожий из того же района. В Хабаровске, те, кто с Сахалина, почти родня. А за границей, просто сограждане.

Хотя нет. С заграницей сложнее. Потому, что иногда и уезжаешь туда, чтобы не только посмотреть, как у них, но и отдохнуть от сограждан. Но это не все. Кто-то отдыхает, а кто-то радостно бросается с объятиями. Я не бросаюсь и стараюсь избегать радостных встреч. Точнее встречаюсь, иногда даже иницирую, но очень выборочно, так же, как и на

родине. Однажды в Голландии, ко мне обратилась с вопросом молодая пара. Я ответил, перекинулись ещё парой фраз на английском и, уже отходя от них, меня посетила мысль, что это россияне. Или, если не россияне, то русские. Сейчас так бывает – русский, но не россиянин. Притормозил, прислушался – точно русские. Обошлось без объятий.

Я не помню, чего мы накосячили, но освободив нас от изучения морзянки (хорошо то как!), сержант бросил на туалет (это хуже и сложнее, чем морзянка). Вооружил ломом и лопатой, которые позволил снять с пожарного щита. Предупредил: «Только лом не упустите». Времени у нас было неограниченное количество – от «сразу после обеда», до ужина или пока не сделаем (т.е. без ужина и хоть до дембеля).

Предупреждая нас о том, что лом терять непозволительно, сержант, вероятно, сглазил этот момент. В один из ударов, когда огромный кусок фекалий отделился от вершины и полетел в недра баржи, лом выскользнул из рук и устремился туда же – в недра. Не знаю, что из них грохотало, лом или кусок, но звуки доносились секунд тридцать.

Судя по звукам, баржа была очень большой. Желания лезть за ломом у нас, естественно, не было. Лопата для продолжения работы не подходила, потому что вершины, по твёрдости были чуть мягче гранита. Но мы честно старались (минуты две), до тех пор, пока лопата не загнулась. Когда мы её выпрямили, она продолжала быть лопатой, но потеряла своё функциональное качество. Ну, не совсем, ею можно

было бы копать мягкий, сухой песок, если набирать его понемногу.

Пришлось, изображая строй, пройти по территории полка, изучая расположения пожарных щитов, подходы к ним и наблюдение. Самым неохраняемым оказался пожарный щит штаба. Он лишился лома, который был один в один как наш утерянный, и был укомплектован нашей лопатой. А мы снова стали счастливыми (реально счастливыми) обладателями лома и лопаты.

До ужина успели. Работу сержант принял на «хорошо». «Отлично» у него бывало редко. Наш косяк был нами честно отработан. Репрессий за хищение и замену пожарного инвентаря к нам применено не было. Потому что, в поисках преступников, никто не додумался, что наглецы, покусившиеся на штаб (святую святых полка) могут быть в учебном взводе. А в теории, никакого хищения и не было. Так, перемещение имущества. Всё же так и осталось на территории. Даже улетевший в туалет лом.

Ещё один раз накосячив, мы с Сашкой были брошены на очистку плаца ото льда. Опять не помню, что сделали и вместе или поштучно. Косяков было так много, что все упомянуть сложно, а наказаний меньше. Их помню почти все. Выговаривали всегда, для этого даже косячить не нужно было, а наказывали реже.

В этот раз нам были выданы два лома и всё. Сержант решил, что лопатами будет слишком удобно. Настолько удоб-

но, что наказание будет воспринято нами как кратковременный отдых. Почти как курорт. А «ломиками плац подметать», это реальная отработка провинности. Задолбаемся точно, ну и плац немножко подметём.

Вышли такие на плац, а он где-то 20 на 50 или 70 метров. В общем большой и бетонный. Покрыт льдом и очень спрессованным снегом. Нетолстым слоем. Не более пяти сантиметров. Попробовали отработать алгоритм, как быстро и хорошо почистить. Снежно ледовая корка откалывалась неохотно, небольшими кусочками. Настолько небольшими, что почти молекулами. И не от всего бетона, а только в месте удара.

Перекурили за трибуной. На всех плацах есть трибуны. На нашем была. Перешли на отработку алгоритма нехорошо, но быстро. Быстро не получалось, а нехорошо было настолько, что лучше бы совсем не долбили. Попробовали просто долбить, изображая отбойные молотки. Иногда откалывался лёд, иногда бетон. Расчищенная (отдолбленная) площадь росла неохотно. Практически не росла. Солнце садилось. Оно на севере, зимой, очень недолго освещает унылые пейзажи.

Объём работы был реально невыполнимым. А когда он оценивается именно так, то работа не выполняется совсем, если нет внешнего воздействия. Наше внешнее воздействие сидело в тёплой казарме и учило других курсантов морзянке. В отличии от туалета, вырубания дна у бочек и натирания

линолеума, задание «долбить плац» относилось к категории «не нужно лучше, нужно чтобы задолбались».

Задалбываться нам не хотелось. Долбить лёд надоело. Просто сидеть за трибуной и курить, уже было холодно. И тут Сашка озвучил идею. Немного рискованную, но за неё не расстреляют и из армии не уволят, а жаль. Было бы такое наказание – уволить из армии за несоответствие... Решили воплотить идею в жизнь – «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское».

Быстро и, пытаясь тщательно, распинали с плаца снежно-ледово-бетонную пыль. Изобразили на лицах усталость и испуг и, подхватив ломы, бегом побежали в казарму. Я изображал усталость, а Сашка испуг. С его очень живой мимикой это было несложно. А в казарме сержант: «Всё отдолбили?!», «Никак нет, товарищ сержант!». Какой он нам нафиг товарищ? «Нас увидел подполковник, спросил, что делаем, похвалил и приказал вернуться в расположение, сказать, что он снял взыскание и продолжать учебный процесс!» То, что в части только один подполковник, мы уже знали. Звание подполковник было у командира полка.

«Он в штаб зашёл?» Опаньки, сейчас помощнику дежурного по полку позвонит и узнает, что никто в штаб не заходил. «Никак нет, прошёл куда-то мимо!» «Точно подполковник?» «Так точно. Две полоски, две звезды». «Хорошо, ломы – на место, сами – в класс». Прокатило. По ходу службы командир полка ещё пару раз меня выручал. Реально сам, а

не в моих выдумках. Другие офицеры тоже, по мере возможности отмазывали меня от моих же косяков. Особенно ротный и замполит. Спасибо вам. Искренне. Без вашей заботы я бы с губы не вылезил. Но про это – позже.

А из шуток над Сашкой, запомнилась одна. В очередной раз мы вернулись с перекура, сержант, в это время, куда-то вышел из казармы. Сидим, делаем ничего. Вбегает сослуживец: «Сашка, сержант видел, как ты в курилке руки в карманах держал, сказал, что, если сам сейчас карманы не зашьёшь, он набьёт карманы гвоздями и прикажет зашить. На неделю».

Руки в карманах держать не разрешалось. Сержант так и угрожал: «Кого увижу – загружу гвозди в карманы, прикажу зашить, так будете неделю с гвоздями ходить». А в окно видно, что сержант вышел из столовой и быстро идёт в казарму. Сашка шил со скоростью промышленной швейной машинки. Ну, может быть не так быстро и, однозначно, не так качественно, но, когда сержант зашёл в казарму, карманы штанов были зашиты, а Сашка вместе со всеми стоял в строю.

То, что это шутка, он узнал через пару дней. Беззлобно посмеялся со всеми. А на следующее утро, одна штанина у шутника оказалась вывернутой наизнанку. Как он умудрился их вот так надеть и отбегать зарядку – тайна за семью печатями.

Легенда про то, что солдат одевается и раздевается за время горения спички, через неделю ежевечерних, многократ-

ных тренировок оказалась не легендой. Ещё через неделю оказалось, что за это время можно не только раздеться, но и аккуратно сложить обмундирование.

Иногда тренировки прерывались сержантом по техническим причинам. Например, однажды, летящий со второго яруса боец, в полёте задел головой светильник. Полёт был прерван. Оба (светильник и боец) рухнули в проход. Светильник немного помятый с разбитыми лампочками, боец слегка окровавленный. В белоснежных кальсонах и исподней рубашке, распластаный на полу и с кровоточащей на лбу раной. Практическая иллюстрация легенды об Икаре. Икара тоже остановил источник света. Но там было Солнце и насмерть, а здесь – красиво, громко, но не летально. Оценка сержантом умственных способностей пострадавшего, распространялась на всех присутствующих. И слышно её было далеко за стенами казармы. Это нормально, бедность словарного запаса часто пытаются компенсировать громкостью изложения мыслей.

Через полгода выяснилось, что за это, нереальное для гражданских, время можно не только раздеться, сложить обмундирование и забраться под одеяло, но и уснуть. Уснуть крепко, бессовестно и с ярким цветным сном. Но это было потом. О таких способностях своих организмов, мы ещё не знали. Наверное – это к лучшему. А ещё одевались мы так же стремительно. Крик сержанта или дневального, короткий грохот, похожий на раскат грома и всё – весь взвод построен.

Часть времени службы можно было бы провести в санчасти. Не важно сколько, хоть ночь, а лучше сутки или несколько суток. Без подъёмов/отбоев, зарядок, построений, бесконечного кваканья ключей, писка морзянки и хорового пения про самолётики, петипетушки, итолькоодна и прочий бред сумасшедших. В санчасть можно было попасть с температурой – это самый короткий, надёжный и наименее ущербный для организма путь.

Практика показала, что если съесть кусок сахара, обильно пропитанный йодом, то температура не поднимется, а язык станет коричневым и во рту ещё долго будет оставаться послевкусие йода. А если растолочь грифель простого карандаша и проглотить, то температура тоже не поднимется, зато повысится газовыделение. В тесном учебном классе, это сразу же становится достоянием общественности. Если этим способом пытаются воспользоваться два или три бойца, то концентрация не вредных, но ароматных веществ в воздухе достигает предельно допустимых норм. Поэтому через пару неудачных экспериментов, попытки попасть в санчасть, методом поглощения грифеля или йода, прекратились. А желание осталось.

Однажды меня «со товарищем» отправили делать из двухсотлитровых стальных бочек, открытые бочки. «Сотоварищем» был Никита. Настоящее имя у Никиты было Володя. А Никита он сам для себя придумал. Сам придумал, сам откликнулся. Никит было в учебном взводе двое и оба по пас-

портам и военным билетам были Владимирами. Откуда-то из деревень, крепкие, надёжные, особо не заморачивающиеся поиском смысла жизни. Непробиваемые для шуток. Но это про Никит. Дальше – про бочки.

Бочка вообще очень полезная в хозяйстве вещь. А когда у бочки вырубается верхняя часть, то её использование для перемещения и хранения ГСМ становится невозможным, но в хозяйстве открываются бескрайние перспективы. В ней можно хранить, что угодно (кроме ГСМ). В части в бочках хранили и перемещали, воду, песок, торф, грунт, иногда даже уголь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.